

В сарае загремели лопаты. Распахнулась дверь, и во дворе появилась теща, одетая в застиранный синий халат, в косынке, из-под которой выбилась прядь волос, и в галошах на босу ногу, и принялась прислонять к забору разнокалиберные лопаты.

— Кольк, слышь меня,— она крикнула и повернулась к крыльцу, где сидел зять.— Сынок, что хочу сказать... Возьми подпилоч. Лопаты поточи. Завтра начинаем картошку копать.

Сказала и опять скрылась в сарае и чем-то загремела.

— Знаю, что завтра,— буркнул Колька вслед.— Зачем каждые пять минут напоминать-то. Сейчас наточу...

Колька поплевал на окуроч, затушил его и кинул в помойное ведро, стоявшее под умывальником возле крыльца, и поднялся, поддернув старое трико. Скрылся на веранде, а потом снова появился и, перетаскав лопаты к крыльцу, молчком принялся точить: вжик-вжик-вжик.

Завтра будет много работы. Колька искоса взглянул на огород, который полосой протянулся от бани и до самой речки. Они с женой каждый год старались взять отпуск или отгулы, чтобы помочь с уборкой картошки. Это сажать легче. Приходят соседи и всем гуртом сажают, а потом к следующему идут, и так, пока не закончат. А вот копать — это тяжелее. За один день не управишься. Так вымотаешься, руки-ноги не шевелятся. А теще не на кого надеяться, кроме как на Кольку и дочку. Сыновья давно разъехались и редко появляются. И по весне, когда нужно сажать картошку, Колька, приезжая в деревню, всегда говорил теще, зачем она столько сажает, если живет-то одна, а она в ответ: «Ну, как же без картошки-то? Нельзя! Вам выделю, сыночек отправлю, для скотинки оставлю, а мне тоже надо покушать, а еще на семена оставить и немного на всякий случай придержать — мало ли... да чуток продам, а еще обменяю на арбузы и с вами поделюсь. Видишь, какая польза от картохи? Поэтому и сажаю!» Старшие сыновья давно перебрались в город. В деревню редко приезжают, и то стараются летом выбрать время, чтобы отдохнуть, чтобы на речке посидеть с удочками, ссылаясь на тяжелую городскую жизнь, или будут весь день валяться на кровати, изредка появляясь на кухоньке, чтобы пожрать, а потом опять скроются за занавеской, и не дозовешься — они отдыхают.

А Кольке нравилась деревня. Здесь было что-то такое особенное, чего ему в городе не хватало, да и будет ли это в городе — вряд ли. Он не мог объяснить, чем его привлекала деревня: природой или деревенскими жителями с их медленными долгими разговорами, а может своей неспешной жизнью, потому что время здесь по-

другому идет, тягучее какое-то, замедленное... Утром примешься за дела, вроде, не торопишься, а к вечеру взглянешь и удивляешься, сколько успел за день перелопатить. А в городе — суета. Туда-сюда носишься, все задуманное стараешься переделать, везде побывать, а вернешься домой и еле ноги тащишь, устал, как собака, взглянешь, а сделано-то так себе — курам на смех. В городе, как принято говорить, жизнь намного интереснее: театры там, магазины всякие, выставки да музеи — ходи и ходи, но все это Кольке почему-то приедалось, оскомины набивало. Ну, раз сходит на выставку, второй и третий раз, кажется, все новое, а в то же время, словно уже это видел — актеры разные, а декорации одни и те же. Правда, в городских магазинах товаров намного больше, чем в деревне. Полки ломились от всяких товаров — бери и радуйся, ан нет, забежишь после работы, не ходишь по магазину, разинув рот, а быстренько купишь, что нужно, и домой торопишься. И торопишься для того, чтобы весь вечер просидеть возле телевизора, и спать завалиться, а утром снова бежать на работу. И так каждый день, из года в год. Вся жизнь словно по кругу: бежишь, да бежишь... Колька не понимал, почему тянет в деревню. Сам-то в городе родился и жил, а когда женился, повалился ездить в деревню, и было такое чувство, будто все знает здесь: каждый бугорок, каждый камушек знаком, но главное — нравилась деревенская работа. За все хватался, а если не понимал, внимательно присматривался, как другие делают, и повторял за ними. Не бегал от работы, а сам искал, чем бы заняться...

А вечерами ходили к речке. Там на обрывчике была вкопана скамейка — это еще тесть поставил. Его давно нет, а скамейка стоит. И Колька с женой повалились туда. Сидели вечерами, смотрели на горы, что были на другой стороне, но разговаривали мало — больше слушали. Речка шумит, с ними разговаривает, а там птицы устраиваются на ночь, а чуть подалее плеснула рыба в реке, а над головой чернущее небо и по нему звезды: большие и маленькие, яркие и не очень, и все смотрят на них и подмигивают, а за спиной деревня затихла. Ночь... А бывало, что переделывали дела, выходили на крыльцо и сидели. Отдыхали. Соседи заходили на огонек, и начинался долгий разговор. О чем? Да ни о чем, так, вроде все вокруг да около ходили, а оказывалось, за жизнь поговорили, всю перебрали по камешку, по зернышку, по маленькой пылинке и все незаметно так, ненадоедливо...

И Кольке было интересно сидеть на крыльце и слушать, о чем говорят соседи да изредка отвечать на вопросы. Кто-то спрашивал про городскую жизнь или работу, другой буркнет, что в городе жить легче. Глянешь, вроде бы завидует, но зависть какая-то вялая, а скажи ему, чтобы в город подался за легкой жизнью, так руками-ногами станет отмахиваться, потому что где человек родился, там и пригодился, как постоянно говорила теща, но для Кольки делала исключение. Давно заметила, как его тянет в деревню...

Наступал вечер и Колька появлялся во дворе. Выйдет, присядет на ступеньку, закурит, а то и просто так сидел. Прислонится к перилам и слушает соседей, а они сидят и неторопливо разговаривают. Один что-нибудь спросит — и тишина. Потом ему отвечают — и снова тишина. Сидят о чем-то думают или просто отдыхают, да изредка перебрасываются словами, словно время тянут. А что тянуть-то его — это время, ежели и так оно тягучее. В городе давно бы спать завалились, а здесь сидишь и не замечаешь — это время. И расходились так же медленно. Один зевнет, встанет и потягивается, попросается со всеми и тихонечко подается со двора. Чуть погода другой поднимается и тоже уходит, следом еще поднялись и в калитку, а там уж самим спать пора. Пока расстелют диван, на нем жена спала, теща на кровати за голландкой, а Колька позже всех уходил на веранду и там ложился. А бывало, брал старое лоскутное одеяло, подушку и взбирался на сеновал. Бросит одеяло на духмяное сено, подушку в изголовье, уляжется, вздохнет поглубже и задержит дыхание, словно мед испробовал. Лежит, руки за голову, отовсюду разнотравьем пахнет, аж голова кругом

идет, веники березовые висят, удивительно, когда теща успевала заготовить, и не замечает, как засыпал. Казалось, едва прилег, а на улице петухи устроили перекличку. Все, пора подниматься. Утро наступило. Пора за работу браться...

— Кольк, а Кольк,— донесся голос тещи.— Скажи Верке, чтобы обед согрела. Я пока на огороде повожусь,— а потом опять крикнула.— Ладно, сама покличу... — и тут же громко.— Верка, поди сюда!

— Что расшумелись? — дверь приоткрылась и появилась Веркина голова.— Всех соседей перепугаете. Блажите во весь двор...

— Ставь чугунок на плиту,— опять крикнула теща из-за забора.— Своего мужика корми. Солнце высоко. Пора обедать, а он голодный сидит.

— Обойдется мужик,— заворчала Верка и отмахнулась.— Он работой занимается. Не отвлекай его.

— Как это так — обойдется? — всплеснула руками теща.— Корми, кому сказала!

— Верка,— протяжно крикнул Колька, продолжая вжикать по лопатам.— Тебе сказано, разогревай обед. У меня кишка кишке протокол пишет...

— Отстань! — выглянула Верка, и поправила подол коротковатого платья.— Когда лопаты наточишь, тогда накормлю.

— Теща велела,— захыкал Колька, покрутил лопату в руках и отставил в сторону.— А тещу нужно слушать. Разогревай!

Он повысил голос.

— Ишь, спелись, субчики-голубки,— шутливо заворчала Верка, дунула, поправляя прядку волос, и скрылась в избе.— Ладно уж, так и быть, мойте руки. Покличу...

— Верка,— опять позвал Колька, дождался, когда она выглянула, и сказал.— Притащи кусочек халвы, какую в магазине купили. Сейчас вспомнил про нее, чуть слюной не захлебнулся. В городе не такая, и не спорь со мной. Здесь вкуснее, а ты говоришь: старая, старая и липкая, как пластилин...

— Ага, отщипну с грязными руками,— она кивнула на тряпку и дунула, поправляя челку.— Обойдешься! Вон, лопаты точи, а то без обеда оставлю.

Сказала и опять скрылась в избе.

Колька тягуче сплюнул. И правда, в городе возьмешь халву, она свежая, аж слотится, но все равно вкус не такой, как в деревенском магазине. Сюда приедешь, зайдешь в магазин, и пялишься на витрины. Вроде бы выбрать нечего, глянешь на полки, там крупы, всякие консервы, спички и соль, пряники черствые, карамельки лежащие, а про халву и говорить нечего — сплошной липкий комок — купишь немного этой халвы, отщипнешь кусочек, и чвалдыкаешь во рту, катаешь от щеки к щеке, а халва чуть горьковатая, но в то же время в меру сладкая, и с каким-то орехово-семечным привкусом, да еще к зубам пристаёт, но такая вкусная, аж готов сразу целый килограмм взять и сидеть, потихонечку отщипывать по кусочку и катать во рту, пока не растает... Колька звучно сглотнул и прислушался. Жена на стол собирает. Они еще вчера прикатили в деревню. На попутке доехали, чтобы быстрее добраться, а то полдня просидели бы на автовокзале в райцентре. Спрыгнули на землю, Колька взглянул по сторонам, а там по склону горы березки желтеют — золотом покрылись, в палисадниках рябинки раскраснелись, а вдалеке боярышник огнем полыхнул, с огородов горьковатым дымком потянуло и еще чем-то, и небо над головой синее-пресинее, какого в городе не увидишь. Колька вздохнул. Зажмурился и заулыбался. Наконец-то, приехали...

Не одним днем готовились к картошке. Заранее приезжали, чтобы погреб и подпол почистить. Колька внизу был, а жена с тещей вытаскивали ведра с землей и мусором. Потом наладил отсеки. Дальний под семена, потому что туда лишь по весне сунешься, а ближние для еды, на продажу и так, на всякий непредвиденный случай, а в подпол опускали только на еду. Там отсек для картошки и с трех сторон полки для солений-варений. Все продумано до мелочей, куда и что будет сыпаться и уклады-

ваться. Когда подготовили, настезь распахнули, чтобы проветрить и просушить. Теща уложила мешки на видном месте. Вдоль забора стволы лопат виднеются и пару вил на всякий случай. В сарае закуток приготовили, куда мелочь ссыпать...

А сейчас Колька сидел на крыльце. Затачивал лопаты и проверял черенки, а некоторые заменял на новые. Не торопился. Знал, завтра начнется тяжелая работа. Ладно, Тимоха пообещал прийти. Уж полвека прожил мужик, а все в деревне, от мал до велика, его Тимохой называют, а он не обижается. Всегда улыбается и всем соседям старается помочь. Хороший мужик, а здоровенный — страсть! Колька за глаза его прозвал Ильей Муромцем. Едва наступала весна, Муромец скидывал обрезанные валенки по шиколотку, сбрасывал необъятный полушубок, а шапку вообще не признавал, и ходил в тесном пиджачке и в подвернутых штанах, а сам босиком. Еще снег лежит, грязь непролазная, а он шлепает босиком по деревне и ему хоть бы хны. И так до глубокой осени, пока снег не ложился и лед не вставал...

Солнце село, по насыпной дороге медлительно прошло стадо, и теща заторопилась доить корову Зорьку, рыжую с белым большим пятном на лбу. Верка хлопотала в задней избе, чем-то на кухоньке занималась. А Колька присел на крыльце. Закурил. Прислушался. Мычали коровы по деревне. Там и сям заблеяли овечки. Опять, наверное, по кустам разбежались. Теперь до ночи будут хозяева собирать, разыскивать своих овец.

— Здорово, Колька, — за забором стоял Тимоха Муромец в расстегнутой до пула рубахе и, как обычно, босиком. — Что сидишь?

— Отдыхаю, к завтрашнему дню готовлюсь, — сказал Колька и похлопал по ступеньке. — Заходи, Тимоха, покурим.

— Не, не хочу, — отмахнулся Муромец. — Все приготовили? А мы сегодня докопали картоху. Ужас, сколько уродилось! Но, слава Богу, убрали! Теперь голова не будет болеть, хватит или нет картохи до следующего года. Хватит и еще останется. Ага... Я уже договорился, что часть сменяю на арбузы. Со дня на день покупатели появятся. Говорят, что мешок на два меняют. И вы меняйте. Все не покупать, не тратить деньги. А так, сами вволюшку наедитесь, да засолите на зиму. А зимой арбузы — еще та закуска! Я каждый год солю. Ага...

— Завтра посмотрим, сколько картошки накопает, — Колька кивнул в сторону огорода. — Теща курня два-три подкапывала, говорит, ничего уродилась, нормальная. Завтрашний день покажет, на что рассчитывать. Главное, чтобы теще хватило, а мы уж как-нибудь переберемся.

— Хорошая уродилась, хорошая, — сказал Тимоха и громко зевнул. — За бабой так не ухаживаешь, как за картохой. Пололи, окучивали, твоя теща над каждым кустом тряслась, чуть ли не молилась, а может чего и шептала — кто знает. Сам видел, какие крепкие кусты стояли — загляденье! — и опять повторил. — Хороший урожай будет, хороший.

— Твои слова да... — прыснул Колька и спросил. — А ты придешь?

— Конечно, приду, — загудел Тимоха Муромец. — Подмогну вам. Девки собирать будут, а мы копать. Кто еще приедет?

— Дядька Ефим с женой обещал приехать, — пожал плечами Колька. — Но все равно, думаю, денька за три должны управиться. Пока выкопает да переберет, а потом еще свезти нужно. Теща насчет лошади договорилась. На телеге перевезем. Главное, чтобы дождя не было.

— Правду говоришь, лишь бы погоды не подкачали, — Муромец взглянул на небо. — Нам повезло. Управились. Сухую картоху заложили. Ну, ладно, Кольша, я пойду. В баньку схожу и на боковую. Притомился чуток...

Он протяжно зевнул и неторопливо направился по дороге.

Небо выяснило. Осенние звезды не такие яркие, как летом, но все равно словно рассып над головой и перемигиваются, а там одна пропала, лишь чиркнула по небу

и все — исчезла, а вдалеке поobleки звезды, видать, облачко натягивает. Колька долго сидел в темноте. Слушал, как засыпала деревня, все реже мычали коровы да звенели подойники, лишь неугомонные собаки то тут, то там взлаивали и тут же умолкали от грозных окриков хозяев. Но вскоре и они притихли. Наступила ночь. Колька поднялся. Еще раз взглянул на небо и посмотрел в сторону огорода, а потом направился в избу. Пора спать. Завтра будет много работы...

Утром, когда рассвело, Колька вышел на улицу. Постоял на крыльце, оглядывая двор. Теща уж давно поднялась. Завтрак сготовила, корову в стадо проводила, а сейчас корм курам задает. Колька глядел на нее и удивлялся, как она успевает справляться со всем хозяйством. Корова с овечками да еще всякая живность, а кроме этого участок с огурчиками-помидорчиками, да всякой зеленью, которая и летом в охотку хорошо идет, а уж зимой тем более. А рядом с грядками кочаны капусты виднеются. Много! Теща любила квашеную, и кочанами засаливала, и всякие салаты на зиму готовила, не говоря уж про соленые грибы, какие очень уважала, да если еще под картошечку... Зимы-то долгие — все уйдет. И картошки насажено — уйма! Сыновья укатили, почти не появляются. Тесть помер. Осталась одна. А картошки столько сажает, сколько при большой семье бывало...

На картофельных полосках там и сям замелькали фигурки. Торопятся, убирают, пока хорошая погода стоит. В низинках поплыла дымка, а над речкой туман закрутился, цепляется за кусты и деревья, наползает на обрывистый бережок и тут же исчезает под лучами яркого, но все-таки холодноватого осеннего солнца. А по берегу кусты золотом усыпало, и там, на другой стороне, по склону березки засверкали, а вот трава пожухла, к земле прижимается, зиму холодную чует...

После завтрака, подхватив лопаты и ведра, по тропке прошли на огород, что протянулся полосой до речки. Остановились. Пока теща разговаривала с соседями, Колька спустился пониже и приготовил место. Сюда будут носить картошку и высыпать в кучу, чтобы обсохла и проветрилась. Таких куч будет три-четыре на полосе. Он подготовил первую и вернулся. Закурил, поглядывая, как к ним неторопливо шагал босоногий Тимоха Муромец с лопатой на плече.

— Ну, ребятки, примемся? — сказала теща, взглянув на них. — Я выкопаю первую полосу, потом встанет Колька, за ним Тимоха, а мы с Верочкой будем собирать. К обеду подъедет Ефим с женой. Обещал.

Она взяла лопату. Подошла к крайнему кусту. Остановилась. Оглянулась на огород, о чем-то задумалась, потом быстро стала шептать, размашисто перекрестилась и взялась за лопату.

— Ну, с Богом! — сказала она, и вывернула большой курень картошки. — О, какая крупная! Добрый урожай соберем, добрый, — и быстро выкопала первую полосу. Остановилась. Взглянула на Кольку. — Ну, хозяин, начинай, — сказала теща и отступила в сторону. — Веди всех за собой.

Колька, гордый, что его назвали хозяином, поудобнее перехватил лопату. Тоже, как теща, оглянулся на большой огород, потом на соседей, которые там и сям уже всюю копали картошку, откуда-то пахло печеной картошкой, он посмотрел на утреннее осеннее солнце, на березы, что золото рассыпали по склону горы за рекой. Помедлил, и воткнул лопату, поднатужился и вывернул курень крупной, с кулак, а то и поболее, картошки и, не оглядываясь, шагнул к следующему кусту, зная, что следом идет Тимоха Муромец, и тут же зазвенели ведра — это жена и теща неторопливо собирали картошку. День начался, а впереди еще...

Осень — урожайная пора...